

нимается использование говорящим формы мн.ч. вместо требуемой по этикету формы ед. ч. Такое употребление обычно оценивается слушающим и окружающими всего лишь как ненормативное, непонятное, но отнюдь не грубое, оскорбительное. Неравнозначная интерпретация употреблений формы ед. ч. вместо формы мн. ч. и формы мн. ч. вместо формы ед. ч. достаточно убедительно аргументирует мысль о том, что по этикету в выделенных отношениях значения, требующие формы мн. ч., выше значений, требующих формы ед. ч.

Интересно отметить, что более высокое значение каждого отношения маркируется не специальной формой повелительного наклонения, а формой мн. ч. Как известно, этикетная оппозиция «выше»: «ниже» исторически возникла позже оппозиции по числу «один»: «больше чем один». Форму мн. ч. оказалось удобным использовать для выражения значения «выше» при обращении к одному лицу, потому что ее собственная семантика «больше чем один» исключает ее использование в этом значении по отношению к одному лицу, вследствие чего применение этой формы при обращении к одному лицу получало только одну новую интерпретацию: Y выше X -а.

Подведем итоги. Традиционная формулировка, в соответствии с которой при обращении к одному лицу форма мн. ч. повелительного наклонения в отличие от формы ед. ч. является вежливой, не полностью отражает реальное положение вещей. В каждом акте речевого общения выбор одной из двух форм мотивирован для говорящего правилами речевого этикета, и в этом смысле и форма ед. ч. и форма мн. ч. в равной мере являются вежливыми. То или другое конкретное решение принимается с учетом (1) ситуации общения, (2) предпочтительного социального отношения (либо отношения служебного положения, либо отношения интимности, либо отношения возраста), (3) ролей говорящего и слушающего по избранному значению предпочтительного отношения. В подавляющем большинстве случаев независимо от того, какое отношение избирается в качестве предпочтительного, говорящий может обратиться к слушающему либо только с формой ед. ч., либо только с формой мн. ч. Лишь в немногих случаях в одной и той же ситуации в зависимости от выбора того или другого предпочтительного отношения, говорящий может обратиться к слушающему и с формой ед. ч., и с формой мн. ч.

Иллюзия того, что форма мн. ч. в отличие от формы ед. ч. является вежливой в прямом смысле этого слова, возникла в связи с тем, что с формой мн. ч. говорящий часто обращается к таким слушающим, которые по этикету выше его (Y старше X -а, Y чужой X -у). Таким образом, форма повелительного наклонения мн. ч. указывает не на собственно вежливое отношение говорящего к слушающему, а на специфическое (более высокое или равное по этикету) социальное положение слушающего по отношению к говорящему.

Из изложенного, между прочим, следует, что широко принятая трактовка этикетных форм как форм вежливости вряд ли правомерна. По существующим словарным толкованиям вежливость объясняется как «учтивость» или «любезность». Соблюдая правила речевого этикета, мы не бываем специально учтивы или любезны, мы нейтральны в этом отношении и иными быть не можем в ситуации принудительного выбора одной из двух форм. Правда, мы можем нарушить правила речевого этикета, но тогда мы от нейтральной формы обращения (не вежливой!) переходим либо к грубой, либо к аномальной форме обращения.

Вместе с тем в языке может быть выражено и собственно вежливое отношение любого говорящего к любому слушающему. Регулярным средством выражения этого значения в императивных конструкциях является частица *пожалуйста*.

Этикетное и вежливое обращение говорящего к слушающему в императивных конструкциях отличаются друг от друга. Если говорящий